Комс. правда. – 1996. – 25 окт. – с. 18–19

Денис ЕВСТИГНЕЕВ:

В ДЕТСТВЕ МНЕ КИЛОГРАММ ПОТЕРЯННОГО

Рассказчик он – хоть куда.

Оно, конечно, так: родителей не выбирают. Но когда мама у тебя Галина Волчек, а папа Евгений Евстигнеев, жизнь невольно превращается в борьбу с аксиомой, что природа отдыхает на детях гениев. К тридцати пяти годам Денис ЕВСТИГНЕЕВ смог, кажется, убедить последних скептиков, что любое правило ценно исключениями. Оператор, снявший "Слугу", "Армавир", "Такси-блюз", "Луна-парк" и удостоенный почившей Государственной премии СССР и здравствующей премии "Ника", режиссер, отмеченный за фильм "Лимита" призом за лучший дебют Европы 1994 года, - как бы чадам Дениса Евгеньевича не пришлось спорить все с тем же тезисом об "отдыхающих" по вине природы отпрысках титанов...

– Денис, наверное, для разминки я должен спросить у вас что-нибудь умное?

– Зачем?

– Чтобы произвести хорошее впечатление и расположить к себе.

– Триста лет снилось вам мое расположение... Спрашивайте, о чем хочется. Я, к примеру, всегда так делаю: снимаю кино не о том, о чем надо, а о том, что мне интересно. Стоит заняться на экране поиском смысла жизни и – пиши пропало.

– Убедили, обязательная программа отменяется. Тогда давайте начнем с "фамильной" темы – все равно нам ее не объехать. В каком-то из интервью, рассказывая об отце, вы вспомнили, что Евгений Александрович на вопрос: "Как дела?" – всегда односложно отвечал: "Хорошо". Вы унаследовали эту закрытость?

– Без сомнения. У меня тоже всегда все хорошо. Подобными ответами я вечно повергаю своих близких в состояние шока. Они искренне переживают, волнуются, интересуются, а я все ношу в себе. У меня внутри есть некая незаполненная емкость, куда я сваливаю все свои новости – хорошие и плохие. Это месиво начинает бродить, и окружающие видят конечный результат, процесс работы моего безотходного производства остается в скобках.

– Извините за физиологические подробности, но как же выглядит этот результат?

– Он перед вами. Это я. Кстати, мне одинаково не нравится говорить и о своих горестях, и о своих успехах. Не припомню случая, чтобы я звонил кому-то из друзей и принимался плакаться в жилетку или хвастаться. Этим я пошел в отца, перенял его способ жизни, психологию. Правда, пример папы доказал, что такое поведение опасно для здоровья – три инфаркта на ровном месте не возникают, но, как говорится, против природы не попрешь. Может, я и рад был бы в какой-то ситуации выплеснуть эмоции, но это не про мою честь.

Зато мама у меня очень открытый человек, она чрезвычайно эмоциональна.

– Выходит, вы папенькин сынок?

– Кто его знает? По молодости у меня были определенные комплексы, связанные с родителями. Любому человеку хочется утверждаться самостоятельно, без форы чужих (хоть и родных) имен. Когда-то это раздражало, сегодня – прошло. Я уже не дергаюсь, если гаишник, подмигивая, спрашивает меня: "Родственник?". Раньше постарался бы уйти от ответа, а теперь спокойно говорю: "Да, родственник".

Я чего-то добился в профессии, поэтому смог осознать, как это здорово – гордиться родней. Все знают, кто у меня отец и мать, а, скажем, про деда слышали немногие. Между тем Борис Волчек – выдающийся оператор, один из создателей советского кинематографа. Он снимал ленты "Ленин в Октябре", "Ленин в 1918 году", "Тринадцать", "Обвиняется в убийстве"... Дед работал на всех картинах с Михаилом Роммом. Как бы сегодня ни относились к тем фильмам, но это история, тут есть, чем гордиться.

– С такой родней у вас, поди, прямая дорога лежала в ряды «золотой» молодежи?

– Не было этого в моей жизни. Я работаю на "Мосфильме" с 79-го года – с семнадцати лет. Начинал ассистентом оператора.

– Обошлось без папиной или маминой протекции?

– Вы, очевидно, не представляете, чем занимается ассистент. Он ящики таскает. Самая что ни на есть рабочая профессия. Я ушел из ВГИКа и стал зарабатывать деньги. Родители были в разводе, мама как главный режиссер "Современника" получала двести рублей. Никаких спецпайков, дач и машин у нас не было. Какая золотая молодежь, о чем вы? Автомобиль я смог купить только после того, как получил гонорар за первую свою операторскую работу над фильмом "Сказки старого волшебника". Я взял подержанную "копейку" – первую модель "Жигулей" – и очень этим гордился.

Мне приходилось сталкиваться с детьми крупных государственных чиновников, представителей партийной элиты – это была другая жизнь. Я помню этих, как тогда говорили, "упакованных" ребят. У меня все выглядело намного банальнее – никаких поездок за границу или на немыслимые курорты. Все скромно. У меня и денег серьезных тогда не водилось. Не буду рассказывать, как я на жизнь зарабатывал...

– Отчего же? Это интересно.

– Это антипедагогично!

– Тем более надо поведать – в назидание потомкам. Криминал? Фарца?

– Что вы! Я этого всегда боялся. Мои способы сегодня неактуальны – собирание пустых бутылок, ломбард, продажа книг.

– Растаскивали домашнюю библиотеку и сдавали под залог мамины вещи?

– Да-а-а, ерунда! Какие-то копейки на билеты в кино, на выпивку с приятелями... Говорить не о чем.

– Спрашивая о золотой молодежи, я подразумевал не только материальный достаток, но и круг вашего общения, людей, рядом с которыми вы росли.

– Это был круг не мой, а моей мамы. Я вынужденно общался. Чингиз Айтматов являлся для меня не классиком литературы, а маминым знакомым. Когда к нам приходил Вайда, я смотрел на него не как на великого режиссера, а как на дядю Анджея. Да, у нас собирались огромные компании – и Вознесенский, и Евтушенко, и многие другие. Признаюсь, в таких случаях я старался поскорее уйти из дома.

– Почему?

– Потому что в двенадцать лет пацану охота в футбол играть, а не песни Высоцкого слушать. Может, вундеркинд и предпочел бы общество Владимира Семеновича, но я не был каким-то исключительным ребенком.

– Поэтому между футболом и Высоцким выбирали первое?

– У меня выбора не было, гости приходили к нам по ночам, когда в футбол уже не играют, но, будь у меня возможность решать, я пошел бы с ребятами на улицу. Сегодня, конечно, я так не поступил бы, а тогда...

– Жалеете?

– Глупо жалеть о том, чего не изменить... К тому же у меня есть более достойные занятия. Сейчас я занят написанием сценария для новой своей картины. Половина дела сделана, к концу ноября рассчитываем закончить все.

– "Рассчитываем"? Значит, вы работаете не один?

– У нас связка с Арифом Алиевым. Сценарий придумываем вместе, а записывает его Ариф.

– Вам лень самому марать бумагу?

– Не это главное. Я готов и помарать, но тогда ни к какому ноябрю мы не управимся. У меня столько энергии и сил уйдет на выдумывание слов, что... Понимаете, мои слова находятся в голове, а у журналистов или писателей они – на кончиках пальцев, ручка сама движется по бумаге. Пока же у меня слово пройдет путь от головы до пальцев, Ниагара пересохнет... Я берегу силы для другого. Мне еще на съемочной площадке придется потрудиться.

– Как предполагаете назвать картину?

– Рабочая версия – "Мама". Мне нравятся простые международные названия, понятные без перевода. "Мама" на любом языке так писаться будет.

– Это что-то автобиографическое?

– Нет, придуманная история о шести братьях и их матери. Не обойдется без элементов и мелодрамы, и трагедии. Если же говорить обобщенно, то это будет картина о любви.

– Актеров на роли великолепной шестерки уже нашли?

– Пока над этим не задумывался. Но я знаю актеров, с которыми я хотел бы работать. Получится идеально, если они подойдут на роли в "Маме".

– Владимир Машков, Сергей Маковецкий, Евгений Миронов?

– У нас не так много талантливых молодых артистов. Безусловно, названные вами господа входят в число лучших в нашей стране. Другое дело, что я никогда не приглашу актера, если он не будет соответствовать моему видению роли. Я не руководствуюсь человеческими привязанностями в работе, одно к другому отношения не имеет.

Впрочем, о распределении ролей пока рано говорить. Надо завершить сценарий, решить оргвопросы. Если все пойдет нормально, к февралю можно будет запускаться.

– По-моему, вы не слишком поспешаете.

– А куда торопиться? Будто от суеты что-то изменится. У меня твердый жизненный принцип: под лежачий камень вода – течет! Когда заканчивается одна работа, я не набрасываюсь на следующую. Надо осмотреться, дух перевести. Я залегаю с книжками, газетами на диване, телевизор смотрю. Полностью ухожу в берлогу, игнорирую все тусовки. Лежу и... жду.

– Пока вода потечет?

– Я надеюсь на судьбу. Знаю: все приходит вовремя.

– И с операторством вы тоже расстались в нужный момент?

– Думаю, да. Это же обслуживающая профессия. Хороший оператор всегда вынужден делать то, что хочет режиссер, плохой же может только угробить картину. В любом случае оператор остается человеком подневольным, зависимым. Режиссер, как автор, он – последняя инстанция. Вся ответственность на нем. По большому счету от режиссера требуется главное: дать всей съемочной группе заряд энергии. Добиться этого можно разными способами – истериковать, травить анекдоты, бегать и размахивать руками, грозно хмурить брови. Важно, чтобы энергия не иссякала. Потухнешь ты – потухнут все. Это закон кино. Ощущение этой ответственности становится свойством характера. Режиссер не может научить актера играть, но обязан показать, рассказать о конечном результате, к которому стремится. Глупо мне объяснять, к примеру, Нонне Мордюковой, как играть роль (Нонна Викторовна была прекрасной актрисой, когда я еще в проекте не значился), но подсказать, направить ее энергию – моя забота.

– А есть в мировом или отечественном кинематографе прецедент, когда оператор одновременно был и режиссером?

– По-моему, Клод Лелюш так работал. "Мужчину и женщину" сам снял. Но это не вариант. Нельзя подобным образом раздваиваться на съемочной площадке.

– Словом, соблазна поруководить из режиссерского кресла,